

УДК 34**Потенциал расширения использования видео-конференц-связи в следственных действиях в контексте правосубъектности следователя****Сиротинин Дмитрий Алексеевич**

Полковник юстиции,
старший преподаватель кафедры криминалистики,
Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
344064, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Волоколамская, 3в,
e-mail: sdaaspbr@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты отраслевой и специальной правосубъектности следователя и дознавателя, участвующих в следственных действиях, проводимых с использованием видео-конференц-связи. Анализируются организационные, технические и правовые факторы, закрепленные в законодательстве и определяющие процессуальные механизмы реализации дистанционной технологии видео-конференц-связи в досудебной стадии по уголовным делам. Уделено внимание вопросам применения специальных знаний в следственных действиях с использованием видео-конференц-связи в сопоставлении с участием специалиста в иных следственных действиях. Целью исследования является выявление дополнительного потенциала используемых в указанной сфере в настоящее время правовых процедур, в том числе в расширении категорий лиц, участвующих в следственном действии с использованием видео-конференц-связи.

Для цитирования в научных исследованиях

Сиротинин Д.А. Потенциал расширения использования видео-конференц-связи в следственных действиях в контексте правосубъектности следователя // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 7А. С. 457-466.

Ключевые слова

Видео-конференц-связь, дистанционный допрос, правосубъектность следователя и дознавателя, участие специалиста в следственном действии, консульская функция по выполнению отдельных процессуальных действий.

Введение

Более двух лет действует уголовно-процессуальная норма о возможности производства ряда следственных действий с использованием видео-конференц-связи (далее – ВКС) в порядке, установленном статьей 189 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В досудебном производстве по уголовным делам это новое направление практики и уголовно-процессуальной науки. Несмотря на предшествующее развитие института использования ВКС на стадии судебного производства, многие его аспекты значительно отличаются от процессуальных механизмов предварительного расследования и не могут быть транспонированы без соответствующих изменений. Ряд положений формулируются впервые. В настоящее время продолжает нарабатываться робкая практика внедрения ВКС в досудебное производство. Выявляются сложности и осуществляется поиск решений по их преодолению. Исследователями анализируются теоретические аспекты. Поднимаются проблемные вопросы, требующие разрешения учеными и практиками. Это естественные процессы, характерные для любого новшества в законодательстве и практической сфере его реализации.

Вместе с тем уже сейчас осуществляется поиск и выявление дополнительного потенциала используемых в указанной сфере в настоящее время правовых процедур, как относящихся непосредственно к институту применения ВКС, так и косвенно влияющих на сопутствующие условия, обеспечивающие не только его жизнеспособность, но и перспективное развитие.

Одним из таких аспектов, анализируемых в настоящей статье, является правосубъектность следователя (дознателя), участвующего в производстве следственного действия, в частности при исполнении письменного поручения об организации участия в данном следственном действии необходимого лица.

Следует отметить, что, несмотря на широкие определения в теории права понятия «правосубъектность», в данном исследовании мы исходим из уголовно-процессуального понимания его как свойства, которым обладают субъекты уголовно-процессуальных отношений. Они правосубъектны при наличии определенных условий. В этом аспекте одними из условий правосубъектности следователя являются назначение на должность и наличие в его производстве уголовного дела. [Бацко, 2008, 32]. Применительно к следователю, участвующему в следственном действии по поручению, таким же условием является наличие данного поручения. С учетом этих и иных правовых оснований формируются процессуальные полномочия следователя. Они представляют собой систему процессуальных прав и обязанностей, необходимых для выполнения следователем определённых действий, совокупность которых образует элементы функций следователя. Учеными предлагаются различные и весьма дискуссионные подходы к пониманию системы функций следователя – от традиционно классических, построенных непосредственно на основе фундаментальных принципов уголовно-процессуального права, до сложных, характеризующихся множественностью функций, объединённых в группы [Попова, 2021, 129].

Различные позиции в анализе функций следователя не только свидетельствуют об отсутствии единства точек зрения на систему функций и на роль следователя, но и подчеркивают разнообразную деятельность следователя в досудебном производстве. [Попова, 2021, 130].

Таким образом, понятия функций и процессуальных полномочий не тождественны. При реализации единой функции полномочия двух следователей могут различаться, а при осуществлении одинаковых полномочий их действия могут быть направлены на реализацию

разных функций. Так, при производстве следственных действий с использованием ВКС элементы функции расследования (например, доказывание) в большей степени присущи следователю, в производстве которого находится уголовное дело. Действия же следователя, исполняющего поручение об организации участия необходимого лица, возможно отнести к функциям вспомогательной группы, предлагаемой в некоторых классификациях. В то же время оба следователя выполняют функцию охраны прав и свобод человека и гражданина, обеспечивая права всех участников следственного действия.

Понимание значения данных категорий в анализируемом аспекте производства следственных действий важно для анализа их соотношения. Участвуя в уголовном производстве, следователи должны обладать соответствующей правосубъектностью и осуществлять процессуальные полномочия, реализуя определённые функции, в том числе в связи с производством следственных действий с использованием ВКС.

В этом контексте расширение категорий участвующих лиц рассматривается как одно из направлений развития, которое способствовало бы повышению возможностей, удовлетворяющих потребности следственных органов в производстве следственных действий с участием лиц, находящихся вне места производства расследования. Одним из подтверждений перспективности данного направления является законотворческая деятельность в этой сфере и рассмотрение новых законопроектов.

Также немаловажным фактором, обеспечивающим использование ВКС, является применение специальных знаний. Сосредоточение ряда функций в деятельности специалиста существенно повышает возможности следователей (дознателей) в реализации дистанционной коммуникации с другими участниками и в использовании тактических приёмов. Кроме этого, становится более эффективной фиксация хода и результатов следственных действий.

Основная часть

Внедрение ВКС в досудебную стадию уголовного производства обсуждалось долгие годы и оценивалось как перспективное направление развития уголовно-процессуальной науки, а также как необходимое техническое средство и процессуальный инструмент, призванный ускорить и облегчить удовлетворение потребностей следственных органов в производстве следственных действий с участием лиц, находящихся вне места предварительного расследования [Согоян, 2022, 123]. Существовавшая ранее и продолжающая существовать в настоящее время возможность производства следственного действия с такими лицами по поручению, направленному следователем в порядке, предусмотренном статьей 152 УПК РФ, не может обеспечить использование элементов тактики, обусловленной информированностью об обстоятельствах расследуемого преступления и содержании материалов уголовного дела, которой лучше других обладает именно следователь, в производстве которого находится данное уголовное дело. Исполнение такого поручения может быть реализовано как вызовом лица, участие которого необходимо, и посещением им служебного кабинета следователя, так и выездом следователя, исполняющего поручение, к местонахождению данного участника уголовного производства, что также может не всегда быть верным выбором организационных и тактических элементов.

Кроме этого, указанный способ выполнения следственного действия связан с длительным ожиданием поступления к следователю протокола следственного действия после его завершения. В течение этого периода времени полученные в ходе производства следственного

действия и отраженные в протоколе результаты не могут в полной мере использоваться в расследовании ввиду их фактического отсутствия в распоряжении следователя.

Перспективы процессуального нововведения в форме ВКС создавали надежду на значительное расширение возможностей расследующего преступления следователя в организационном аспекте и в вопросах тактики производства следственного действия с участием лица, находящегося на значительном расстоянии от места расследования. Оправдались ли данные ожидания и каковы реальные возможности и перспективы развития этой технологии в уголовном досудебном производстве, можно в некоторой степени оценить, проанализировав элементы этого процессуального инструмента (ВКС).

Так, введением статьи 189¹ в УПК РФ законодатель впервые предусмотрел обязательное участие в следственном действии двух следователей (дознавателей). Вряд ли это упростило организацию производства следственного действия. Напротив, ресурсы следственных органов задействуются в два раза большем объеме и при этом одновременно. Возросло до двух количество мест производства следственного действия, оба из которых подлежат отражению в протоколе, и по месту каждого из них необходимо производить комплекс организационных взаимосогласованных действий. Использование технических средств, обеспечивающих ВКС, осуществляется по обеим сторонам коммуникации и может быть связано с привлечением двух соответствующих специалистов, обладающих специальными знаниями в данной высокотехнологичной области и способных контролировать и обеспечивать связь, а при необходимости – устранять технические сбои, которые, к сожалению, имеют место. Кроме этого, необходимо обеспечить фиксацию хода и результатов следственного действия путем осуществления его обязательной видеозаписи, при чем возможно, что так же – по обоим местам производства следственного действия. Любому следователю известны эти организационные хлопоты даже при традиционном порядке проведения, например, следственных экспериментов, проверок показаний на местах и других следственных действий с несколькими участниками, когда техническое обеспечение характеризуется повышенной сложностью, зависимостью от условий, необходимостью запечатлеть обстановку, поведение участников, их фразы и действия в соответствующих ракурсах и качестве изображения и звука, в особенности, когда повторное следственное действие невозможно по объективным причинам и процессуальным нормам. Совершать эти организационные и обеспечительные действия следователю самостоятельно, одновременно отвлекаясь от использования тактических приемов допроса, очной ставки или опознания, невозможно. Вместе с тем именно правильно избранная тактика является одним из самых важных условий эффективности следственного действия [Шишкина, 2020, 22]. Изложенные трудности не только лишь осознаются следователем, но зачатую прямо влияют на его решение о выборе традиционных привычных способов производства следственного действия вместо дистанционного.

Кроме этого, производство следственных действий с использованием ВКС в существующих требованиях возможно лишь при фактическом пребывании участвующего лица в помещении следственного органа, так как данная технология должна реализовываться системами связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, что связано с расположением соответствующего оборудования и существенно ограничивает выбор места производства следственного действия, исключая даже те возможности, которые существуют при допросе по поручению в порядке, предусмотренном статьёй 152 УПК РФ, когда следователь может выехать в любое место пребывания участвующего лица и там произвести следственное действие.

В анализе возникающих сложностей и поиске путей их преодоления можем отметить некоторые аспекты, процессуальное дополнение которых способствовало бы расширению возможностей реализации дистанционной технологии ВКС и более широкому внедрению этого инструмента в следственную практику.

Обратим внимание, что при фактически одинаковом должностном положении обоих следователей, вовлеченных в производство следственного действия с использованием ВКС, их процессуальные роли различаются значительно. Следственное действие производится следователем, которому поручено производство предварительного расследования и которым иницируется соответствующее поручение. Эта основополагающая концепция обусловлена непосредственной первоначальной идеей, конструктивным замыслом порядка производства следственного действия, проводимого с использованием ВКС. Этим же следователем составляется протокол. Роль второго следователя сводится фактически к организационным обеспечительным действиям. Это изначально исходит из смысла части второй статьи 189¹ УПК РФ, в которой указан формулирующий полномочия второго следователя процессуальный документ – «письменное поручение об организации участия лица в следственном действии». Это дословное и понятное название документа не содержит скрытых элементов и не даёт основания для иного, более широкого толкования. Более того, выход за его рамки в определенных ситуациях можно расценить как прямое нарушение пределов, установленных этой уголовно-процессуальной нормой. Такая точка зрения косвенно подтверждается тем, что законодатель счел необходимым отдельно конкретизировать некоторые процессуальные полномочия второго следователя, например, действия в части получения им от участвующего лица подписки, указанной в части третьей статьи 189¹ УПК РФ, и обязанности последующего направления ее следователю, осуществляющему производство предварительного расследования. При этом используемую формулировку о том, что подписка «берется», не стоит толковать расширенно, охватывая разъяснение участникам следственного действия их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия. Эти разъяснения по смыслу процессуальной нормы осуществляются следователем, которому поручено производство предварительного расследования, то есть следователем, выполняющим следственное действие и составляющим протокол. Второй следователь лишь физически «берет» подписку у участвующего лица. В статье 189¹ УПК РФ не формулируются иные процессуальные полномочия второго следователя. В этом аспекте можно развить и выдвинуть обоснованное предположение об отсутствии у второго следователя полномочий по обсуждению с участвующим лицом вопросов, касающихся существа и содержания его показаний либо иных сведений об обстоятельствах расследуемого преступления. Тем более что второй следователь в необходимом для этого объеме не посвящен в данную информацию, что следует из предполагаемого содержания исполняемого им письменного поручения («об организации участия» лица в следственном действии) и предусмотренных в статье 189¹ УПК РФ его процессуальных полномочий. Отступление от этого правила может повлечь нарушение тактики, избранной следователем, действующим дистанционно, в то время когда именно ее правильное использование является одним из элементов концепции данного процессуального инструмента. Таким образом, объем процессуальных действий второго следователя относительно невелик. Также остается дискуссионным вопрос, насколько расширить их может следователь, осуществляющий предварительное расследование и направляющий поручение об организации участия необходимого лица в следственном действии. Норма статьи 189¹ УПК РФ в этом аспекте никаких регламентов не содержит. Поэтому в любом случае при необходимости выполнения вторым следователем определенных действий эти полномочия должны быть

процессуально делегированы ему и отражены в направленном ему поручении либо даны непосредственно в ходе следственного действия и зафиксированы в протоколе. Что касается объема и характера таких действий, то законодатель их не определил. В данном направлении это предоставляет некоторую свободу и широту границ, в пределах которых такие поручения могут быть даны. Вместе с тем не вызывает сомнений, что определяющая роль в решении этих вопросов возложена на следователя, осуществляющего предварительное расследование.

Анализируя правосубъектность следователей в следственных действиях, проводимых с использованием ВКС, отметим, что законодателем предусмотрена возможность их производства не только следователями, но и дознавателями. При этом нет императива об обязательном соблюдении соответствия этих должностных и процессуальных статусов между ними обоими. То есть вполне допустимо производство следственного действия следователем, направившим поручение об организации участия необходимого лица, при исполнении данного поручения дознавателем, а также наоборот.

Развивая мысль о дифференцированной разнице в объеме и характере процессуальных полномочий двух следователей (дознавателей) и выполняемых ими задач при производстве следственных действий с использованием ВКС, можем обоснованно предположить, что действия второго следователя или дознавателя могли бы быть выполнены не только должностным лицом с профессиональной юридической подготовкой, знаниями, навыками и опытом в сфере предварительного расследования, но и иным должностным лицом, на которого законодателем были бы возложены эти полномочия. Это может быть осуществлено, например, в таком порядке, как в соответствии с частью третьей статьи 40 УПК РФ возлагаются процессуальные полномочия о возбуждении уголовного дела и выполнении неотложных следственных действий на капитанов судов, руководителей геолого-разведочных партий, зимовок, начальников антарктических станций и сезонных полевых баз, которые удалены от мест расположения органов дознания, глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации. Обратим внимание, что для лиц названных категорий для выполнения ими указанных полномочий никакие профессиональные и квалификационные критерии законодателем не установлены, кроме занимаемых ими должностей. Также следует отметить, что указанные лица в этих ситуациях не приобретают статус органов дознания, а лишь фактически наделены временно лишь ограниченными полномочиями таких органов и выполняют их законно. Вопросы данной сферы урегулированы не только уголовно-процессуальным законодательством, но и иными правовыми актами. Так, например, статьей 69 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации установлено, что «на судне, находящемся в плавании, капитан судна возбуждает уголовное дело публичного обвинения и осуществляет неотложные следственные действия в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации».

При этом действия лиц указанной категории и принимаемые ими решения содержат больше уголовно-процессуальных аспектов, в том числе имеющих важные правовые значения, чем обеспечительные действия второго следователя (дознавателя) в следственных действиях с использованием ВКС.

Помимо предусмотренного действующими процессуальными нормами непосредственного производства следственных действий лицами, указанными в статье 40 УПК РФ, законодателем в рассматриваемых проектах изменений правовых норм допускается дальнейшее развитие вовлечённости некоторых лиц из числа указанных категорий, не являющихся сотрудниками следственных органов и органов дознания, в процессуальную деятельность.

Так, в предлагаемых изменениях в статьи 453 и 456 УПК РФ рассматриваются вопросы о

расширении консульской функции по выполнению отдельных процессуальных действий по уголовным делам по запросам компетентных органов представляемого государства (законопроект № 280226-8 от 19.01.2023). В частности, предлагается установить, что суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации может внести запрос о проведении допроса, в том числе путем использования систем ВКС или о передаче процессуальных документов консульскими должностными лицами Российской Федерации. Конечно, следует отметить, что указанные процессуальные действия носят организационный характер относительно планируемых следственных действий, не затрагивая содержание их производства по существу. Однако, исходя из отмеченной тенденции, можно перспективно рассматривать нормативное расширение числа категорий лиц, которые могли бы быть привлечены к участию в следственных действиях с использованием ВКС при наделении их процессуальными полномочиями для исполнения поручения следователя (или дознавателя) об организации участия необходимого лица в таком следственном действии. В этом случае правосубъектность указанных лиц и их процессуальные полномочия должны соответствовать уголовно-процессуальным требованиям и реализуемым ими в ходе следственного действия функциям и задачам.

Это могло бы существенно расширить возможности органов, осуществляющих предварительное расследование, в производстве следственных действий с лицами, находящимися за пределами территории Российской Федерации, что в настоящее время является актуальным. При необходимости участия таких лиц в следственных действиях с использованием ВКС это могло бы быть обеспечено по месту нахождения российских консульских учреждений. Такой порядок был бы реализуем многократно быстрее и организационно проще существующих традиционных процессуальных форм в сфере международного сотрудничества по уголовным делам.

Одновременно с реализацией изложенного варианта расширения категорий лиц, которым может быть поручено исполнение поручения в порядке статьи 189¹ УПК РФ, было бы актуальным в данных случаях сделать исключения из требований о принадлежности используемых систем ВКС органам, осуществляющим предварительное расследование. Так, учитывая отсутствие служебной принадлежности указанных лиц к системе органов, осуществляющих предварительное расследование, было бы необходимым рассмотреть вопрос о законодательном допущении возможности использования ими систем ВКС тех консульских и дипломатических учреждений, службу в которых они проходят.

При этом, несмотря на то что процессуальное законодательство не затрагивает конкретные технические аспекты организации ВКС, кроме наличия «технической возможности», критерии допустимости ее использования важны для обеспечения информационной безопасности в части защиты от основных видов угроз. Комплексные аппаратные и программные средства должны осуществлять корректную идентификацию подключаемых пользователей, передачу и сохранность конфиденциальных данных, использовать необходимые методы криптографической защиты, противостоять рискам несанкционированного доступа, кибератак, неконтролируемого вмешательства систем искусственного интеллекта и т.п. [Долгинов, 2023, 482].

Учитывая интенсивность современных процессов цифровизации, можем обоснованно предположить возрастание потребности в использовании специальных знаний в данной сфере. Это усиливает и дополняет уже упомянутую выше необходимость привлечения соответствующих специалистов к участию в следственных действиях [Сиротинин, 2024, 43].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает обязательное участие специалиста лишь при некоторых условиях (например, при изъятии электронных носителей информации с особенностями, предусмотренными частью второй статьи 164¹ УПК РФ), в числе которых использование ВКС законодателем не указано. Однако специфика ее организации, сопровождения, видеофиксации результатов и другие факторы создают обоснованные предпосылки к исследованию данного направления, дальнейшему развитию уголовно-процессуальной науки и дополнению законодательства соответствующими нормами.

Анализируемые направления характеризуются наличием различных вопросов, разрешение которых способствовало бы повышению эффективности предварительного расследования. Данная проблематика актуальна всегда, особенно на этапах внедрения новых процессуальных механизмов. Исследователями неоднократно подчеркивались потребность в четком понимании целей и задач таких процессов и необходимость формулирования конкретных практических решений и рекомендаций по их реализации [Брижак, Волочай, 2013, 22; Шишкина, 2020, 29].

Заключение

В результате исследования приходим к следующим выводам:

1. Распределение процессуальных полномочий двух следователей (дознавателей), осуществляющих их в одном следственном действии, проводимом с использованием ВКС, значительно дифференцировано. Это позволяет определить и проанализировать их с учетом функций, задач и правосубъектности каждого из них. Нормативная конкретизация процессуальных полномочий применительно к следственным действиям указанной категории внесла бы существенную определенность и явилась бы важным шагом в дальнейшем развитии как криминалистической тактики их производства, так и института ВКС в системе процессуального права.

2. Объем специальной правосубъектности следователя, исполняющего поручение об организации участия в следственном действии необходимого лица, позволяет законодателю рассмотреть вопрос о наделении ею иных лиц, которых возможно альтернативно включить в перечень участников следственного действия. Это существенно расширило бы организационные и пространственные пределы производства следственных действий с использованием ВКС.

3. Необходимо рассмотреть вопрос о расширении видов систем ВКС, допустимых к использованию в ходе производства следственных действий с учетом категорий лиц, исполняющих поручения об организации участия в следственных действиях лиц, находящихся вне места производства предварительного расследования.

4. Использование специальных знаний, прежде всего в процессуальной форме участия специалиста в следственном действии с применением ВКС, является важным фактором, обеспечивающим реализацию процессуальных, организационных и тактических особенностей производства следственных действий данной категории. Имеется достаточная совокупность предпосылок для нормативного закрепления обязательного участия специалиста в следственных действиях с использованием ВКС.

Изложенные выводы способствовали бы конкретизации элементов структуры процессуальных механизмов использования ВКС в досудебном производстве по уголовным делам. Их реализация важна для более эффективного внедрения данной дистанционной технологии на стадии предварительного расследования, а также для развития уголовно-процессуальной науки.

Библиография

1. Бацко И.Н. Правосубъектность субъектов уголовно-процессуальных правоотношений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 83. С. 30-35.
2. Брижак З.И., Волочай С.Н. Повышение эффективности следственных действий (на примере опознания живых лиц) // Российский следователь. 2013. № 10. С. 28-30.
3. Долгинов С.Д. Технологии применения видеоконференцсвязи на предварительном следствии: проблемы сегодняшнего дня // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 470-484.
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024). URL: <https://www.consultant.ru>.
5. Попова И.П. Функции следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 123-139.
6. Проект федерального закона № 280226-8 «О внесении изменений в статьи 453 и 456 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», внесён 19.01.2023. (по вопросу о консульской функции по выполнению отдельных процессуальных действий по уголовным делам по запросам компетентных органов представляемого государства). URL: <https://www.consultant.ru>.
7. Сиротинин Д.А. Участие специалиста в следственных действиях с использованием видео-конференц-связи // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение» 2024. С. 42-44.
8. Сокоян В.Л. Видео-конференц-связь в ходе предварительного расследования: процессуальные аспекты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С. 123-128.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024). URL: <https://www.consultant.ru>.
10. Шишкина Е.В. Условия эффективности следственных действий // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 1. С. 17-25.

Potential for expanding the use of video-conferencing in investigative actions in the context of the legal capacity of an investigator

Dmitrii A. Sirotinin

Colonel of Justice,
Senior Lecturer of the Department of Criminalistics,
Rostov Branch of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee,
344064, 3v Volokolamskaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: sdaspbr@yandex.ru

Abstract

The article examines some aspects of the sectoral and special legal capacity of the investigator and inquiry officer participating in investigative actions conducted using video conferencing. The article analyzes organizational, technical and legal factors enshrined in legislation and determining the procedural mechanisms for implementing remote video conferencing technology at the pre-trial stage in criminal cases. Attention is paid to the issues of applying special knowledge in investigative actions using video conferencing in comparison with the participation of a specialist in other investigative actions. The purpose of the study is to identify the additional potential of the legal procedures currently used in this area, including expanding the categories of persons participating in investigative actions using video conferencing.

For citation

Sirotnin D.A. (2024) Potentsial rasshireniya ispol'zovaniya video-konferents-svyazi v sledstvennykh deistviyakh v kontekste pravosub'ektnosti sledovatelya [Potential for expanding the use of video-conferencing in investigative actions in the context of the legal capacity of an investigator]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (7A), pp. 457-466.

Keywords

Video-conferencing, remote interrogation, legal personality of the investigator and the inquirer, participation of a specialist in an investigative action, consular function for the performance of individual procedural actions.

References

1. Backo I.N. (2008) Pravosub'ektnost' sub'ektov ugovovno-processual'nykh pravootnoshenij [Legal personality of subjects of criminal procedural legal relations]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. № 83. pp.30-35.
2. Brizhak Z.I., Volochaj S.N. (2013) Povyshenie effektivnosti sledstvennykh dejstvij (na primere opoznaniya zhivykh lic) [Improving the effectiveness of investigative actions (on the example of identification of living persons)]. *Rossiiskij sledovatel'* [Russian investigator]. № 10. pp. 28-30.
3. Dolginov S.D. (2023) Tekhnologii primeneniya videokonferentsyazi na predvaritel'nom sledstvii: problemy segodnyashnego dnya [Technologies for the use of videoconferencing during preliminary investigation: problems of today]. *Permskij yuridicheskij al'manah* [Perm Legal Almanac]. № 6. pp. 470-484.
4. Kodeks torgovogo moreplavaniya Rossijskoj Federacii ot 30.04.1999 H 81-FZ (red. ot 22.06.2024). [Code of Merchant Shipping of the Russian Federation]. URL: <https://www.consultant.ru>.
5. Popova I.P. (2021) Funkcii sledovatelya v mehanizme ugovovno-processual'nogo regulirovaniya [Functions of the investigator in the mechanism of criminal procedural regulation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. № 4(99). pp. 123-139.
6. *Proekt federal'nogo zakona № 280226-8 «O vnesenii izmenenij v stat'i 453 i 456 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii»*, vnesen 19.01.2023. (po voprosu o konsul'skoj funkcii po vypolneniyu ot del'nykh processual'nykh dejstvij po ugovovnym delam po zaprosam kompetentnykh organov predstavlyaemogo gosudarstva) [Draft Federal Law No. 280226-8 "On Amendments to Articles 453 and 456 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (on the issue of the consular function for performing certain procedural actions in criminal cases at the request of the competent authorities of the represented state)]. URL: <https://www.consultant.ru>.
7. Shishkina E.V. (2020) Usloviya effektivnosti sledstvennykh dejstvij [Conditions for the effectiveness of investigative actions]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian law: education, practice, science] № 1. pp.17-25.
8. Sirotnin D.A. (2024) Uchastie specialista v sledstvennykh dejstviyakh s ispol'zovaniem video-konferenc-svyazi [Participation of a specialist in investigative actions using video conferencing]. In: *Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel'stvo: sbornik statej XXIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie»* [Legal sciences, the rule of law and modern legislation: collection of articles from the XXIII International scientific and practical conference. Penza: MCNS "Science and Education". P. 42-44.
9. Sogoyan V.L. (2022) Video-konferenc-svyaz' v hode predvaritel'nogo rassledovaniya: processual'nye aspekty [Videoconferencing during preliminary investigation: procedural aspects]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management]. № 5 (144). pp.123-128.
10. *Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 29.05.2024)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. URL: <https://www.consultant.ru>.